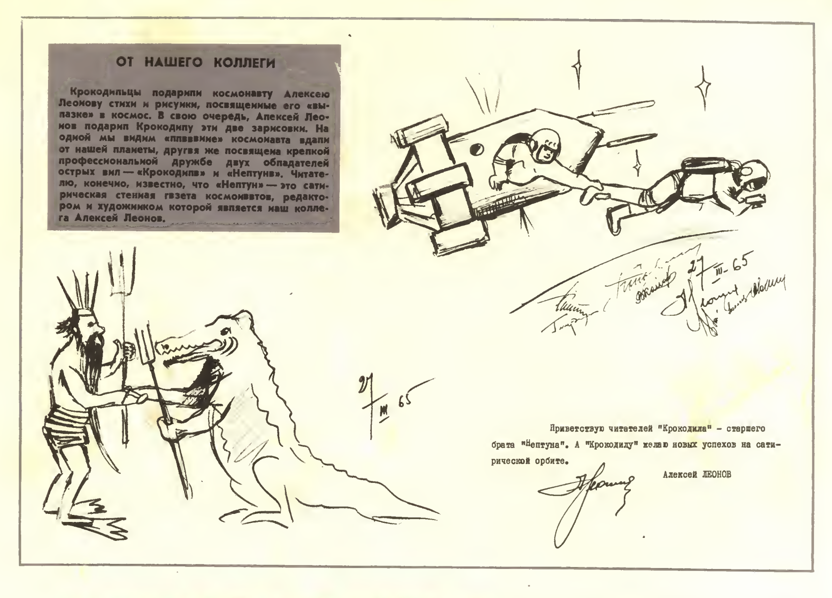

— А сейчас на площадь выходит колонна космонавтов...

Рисунок В. ГОРЯЕВА

КРОКОДИЛ

№ 12 (1770) • ГОД ИЗДАНИЯ 43-й • 30 АПРЕЛЯ 1965

ОТ НАШЕГО КОЛЛЕГИ

Крокодильцы подарили космонавту Алексею Леонову стихи и рисунки, посвященные его «вылазке» в космос. В свою очередь, Алексей Леонов подарил Крокодилу эти две зарисовки. На одной мы видим «плавание» космонавта вдали от нашей планеты, другая же посвящена крепкой профессиональной дружбе двух обладателей острых вил — «Крокодила» и «Нептуна». Читателю, конечно, известно, что «Нептун» — это сатирическая стенная газета космонавтов, редактором и художником которой является наш коллега Алексей Леонов.

ЯРОСТНЫЙ ПЕРВОМАЙ В НОРАКЕ

...Ибрагим-бек натянул поводья, и тонконогий скакун затанцевал у края стремнины. Бешеный Вахш плевался холодными хлопьями пены. Все оборачивалось против Ибрагима, даже река.

Басмач был голоден и зол, как барс, угодивший в капкан. Советская власть наступала на пятки. Ибрагим долго сражался с ней, но теперь настала развязка. Кончились английские патроны. Иссяк французский табак. Не прибывала американская тушенка... Остался один путь — в горы.

Размазывая по бороде злые слезы, Ибрагим-бек пришпорил коня и оглянулся. Далеко-далеко позади, в пустынном ущелье, замелькали буденновские шлемы. Советская власть входила в Нурек...

* * *

Оговоримся в интересах чисто фактической справедливости: не Нурек, а Норак. Ибо что такое «нурек»? Огонек. А что такое «норак»?

В испанском языке есть богатое слово — «наранхадита», что примерно значит «замечательно - прекрасно - деликатно - апельсинно-золотистый». Уфф!.. Чтобы получить «норак», нужно ко всем перечисленным эпитетам прибавить еще такие: «Огненно-мощно-согревающе-величественный».

Итак, еще раз: что такое «норак»?

Электрическое сердце мощностью в 2,7 миллиона киловатт, трехсотметровой высоты, с километровыми аортами тоннелей. Оно погонит по высоковольтным артериям миллиарды киловатт-часов на Яванский электрохимкомбинат. Оно оросит тысячи иссушенных зноем гектаров в Таджикистане и соседних республиках. Оно вдохнет жизнь в азотнотуковый и алюминиевый заводы, зажжет электрические лампочки на всех дорогах.

А пока все дороги Таджикистана ведут в Норак, и самая оживленная — та, что идет из Душанбе. Она исписана вдоль, поперек и даже вверх. Поначалу надписи носят интимный, лирический характер — вроде той, что огромными буквами выбита на высоте 3 тысяч метров над уровнем моря: «Ефим Бабин был здесь. 3.VII.63».

Читая это, шоферы тяжелых машин задирают головы, отдавая дань отважному верхолазу. Это как раз то, что меньше всего следует делать. Недаром пленительный Рудаки писал про эту дорогу: «Путник, помни, что на этой тропе жизнь твоя, как слезинка на ресниц». Работники ГАИ украсили бетонную тропу более решительными призывами. Сбавь же ход, ротозей, если не хочешь, чтобы твоя слеза скатилась на лист милицейского протокола...

А дорога идет, и надписи наливаются все большим гражданским накалом. И, наконец, короткое, стреляющее: «Мы покорим тебя, Вахш!».

Это написано у самого въезда в Норак. Кстати, правильное звучание этого слова чем-то похоже на клекот орла, парящего над разъяренным Вахшем. Может быть, нет необходимости, чтобы работники различных учреждений произносили его и писали в ведомственных бумагах именно так—с апострофом посредине: «нор'ак». Но город, возникший здесь всего три года назад, этого заслуживает.

Посмотрите на него: он действительно деликатно-апельсинный. На всех подходах к нему бушует цветущий миндаль. Но в то же время он и мощный и согревающий. Свежая индустриальная пыль вздымается к миндалю, и грохот взрывов перекрывает бессильное рычание Вахша.

Они в самом деле покорят его, багатуры, весельчаки, умницы — Бородин, Борисов, Мамонтов с тоннельного участка № 3, проходчик Ахмедов, бригадир Каримов, главный маркшейдер Анна Ивановна Кельдюшевская... Это они грызут, буравят, режут, взрывают умопомрачительную толщу алевролита и песчаников.

День-ночь, день-ночь, забывая усталость, забывая самих себя, делают они то, что на четком языке прорабов называется «обеспечением фронта работ». И первый редут, который они должны взять,— Вахш.

— Мы непременно покорим Вахш,— говорит Михаил Бородин,— если нам вовремя дадут запасные части к самоходным буровым установкам — коронки, хвостовики, шланги...

Очевидно, они укротят его даже раньше намеченного срока, если Костромской завод строительных машин будет поставлять более подходящие зубья для скальных экскаваторов «ЭКГ-4». Ну что у вас за зубья, дорогие товарищи костромичи! Одни — ничего себе, другие ломаются после первых же «укусов». Такими зубами не укусишь даже ваших вполне ответственных бракоделов. Тут требуются кусачки понадежней...

Заодно надо бы впиться подходящими зубьями в тех, кто не поставляет запчасти для двенадцатитонных «КРАЗов». Безработные поневоле шоферы, гуляя с любимыми под луной, красной, как гиссарский гранат, вдруг останавливаются и бормочут:

— О желанные двигатели, о любимые коробки скоростей... Где вы, незаменимые в полном смысле слова поршневые группы?..

И девушки безропотно, печально глядят на любимых шоферов. Ничего не поделаешь — запчасти!

Рассказывают, что когда местного хозяйст-

Марк ЛИСЯНСКИЙ

ИНЫЕ ВРЕМЕНА

Сменяются года,
Эпохи — рядом.
На это никогда
Ворчать не надо.

Вслед за зимой весна
На белом свете.
Иные времена —
Иные дети.

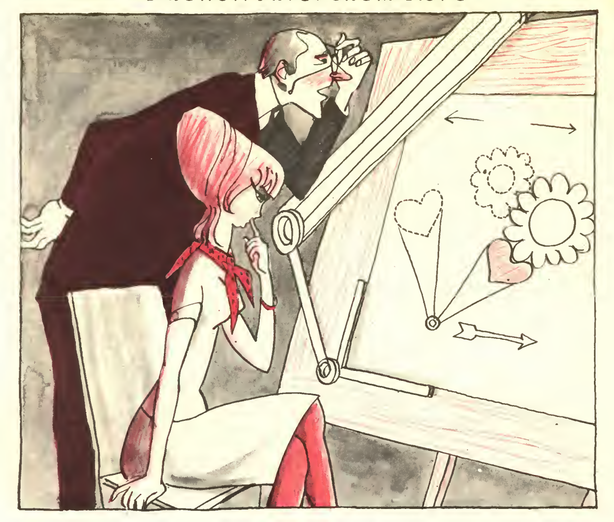
Стремятся на Луну,
Шагают в Завтра.
Играют не в войну,
А в космонавтов.

Иные чудеса,
Иные ритмы,
Иные голоса,
Иные рифмы.

На высшей высоте
Дела земные.
И сыновья не те,
И мы иные.

Иные времена,
Иные вести,
Иные имена,
Иные песни!

В КОНСТРУКТОРСКОМ БЮРО

— Да вы что, влюбились?

Рисунок Е. ГОРОХОВА

венника попросили помочь «Комсомольскому прожектору», побледневший товарищ отпрянул назад и крикнул:

— Нет, нет! Не шутите со мной так! У меня на складе нет ни одного прожектора!

Он долго не хотел верить, что от него не требуют никаких материальных ценностей. А чуть позже затюканный кроликами и поршнями начальник горько хохотал вместе со всеми. И хохот перекрывал клокотание Вахша...

Бурлил Вахш, гранатовая луна цеплялась за бело-розовую кипень миндаля, а в город, в весну, в квартиры входил яростный Первомай. Он здесь именно яростный — с непокрытой головой, непримиримый к недостаткам, не признающий послаблений в труде.

Встань на широченном проспекте Ленина — кругом Норак. Вон там, на горе, один из четырех микрорайонов — Лангар. В нем юрты и кибитки. Там живут неосевшиеся пока новички, новоселы. Вкусил от бивачной жизни — перебирайся в собственно Норак, центральную часть. Тут комфортабельные здания, магазины, стадион на три тысячи мест. Поедешь направо — попадешь в Дисабор и Сарибора: коттеджи, общежития, двухэтажные дома.

Зайди в любой из них. Какие люди тут живут! Иноят Мирзошарипов, бригадир бетонщиков, строивший проспект Ленина, и маляр Прасковья Блинова, и Абдухамид Набиев, вожак комплексной хозрасчетной бригады. Имеется свой миллионер — Прохор Полосухин, вынувший больше миллиона кубометров скальных пород.

В Нораке есть и дом с привидениями. Его посещает призрак тов. Листрового, главного инженераノракского проекта. Покуда бренные телеса главинжа наслаждаются материальными благами в Ташкенте, за 1 500 километров от Норака, дух инженера, пугая дружинников и влюбленных, бродит по центральной артерии города.

Привидение тихо гукает, протягивая гражданам проектные синьки и прочую документацию.

— Я хотел бы жить и умереть в Нораке,— не красиво (что так свойственно привидениям), заявляет призрак тов. Листрового.

— Не верим! — хором восклицают граждане, оправившись от первого испуга.— Все это мистика. Ведь вы только дух, пустое место. Так даже несерьезно! Сколько можно обещать? Раньше ваш оригинал сюда не ехал, жаловался, что нет квартиры. А теперь ему вон какое жилье отгрохали...

Прикрываясь документацией, теряя на ходу клятвы и обещания, призрак бежит в горы.

— С вами ой! — кричат ему вслед норакцы.— А где, кстати, технический проект плотины и дорог? Где хорошие проекты школ, бань и ирригационной сети? Почему до сих пор не утвержден проект центра города? Нет уж, пусть товарищ Листровой лично приезжает в Норак и живет в своей квартире!

Привидение смутно бормочет, что вообще всей проектной документацией Нурекской ГЭС занимаются двадцать шесть проектных организаций — хороших, но слишком разных,— и еще быстрей удаляется в горы. Оно пробегает мимо весьма популярной в городе «Беседки любви». На ее колонне какой-то неудачник и пессимист меланхолически начертал химкарандашом: «Любовь — это горечь и разлука». «Вранье!» — категорически возразил чуть ниже анонимный жизнелюб и оптимист.

В Нораке детские сады, школы на пятьсот и более сорвиголовских мест.

В разгар беседы с первым секретарем горкома партии Павлом Ивановичем Горбачевым раздается телефонный звонок. Кто говорит? Света Кожуркина. А может быть, ты не туда попала, Света Кожуркина? Нет, Света попала именно туда. Ей нужен дядя Горбачев. Лицо секретаря расплывается в хитрой улыбке. Почему мало игрушек в детском садике? Секретарь делает пометку в календаре...

Завтра мэр города Шукуров привезет из Душанбе Мишек и Микки-маусов. Точнее, он прилетит с ними на вертолете в тот самый час, когда на боксерском ринге спортзала неумелые любители тяжело бьют друг друга, а кафе «Табасом» угощает зеленым чаем.

Впрочем, зеленый чай пьют здесь всюду, поголовно все, в абсолютно любое время дня и ночи. Зеленому чаю посвящают кантаты, триптихи и диссертации. Пейте зеленый чай — и ваши дети вырастут здоровыми, красивыми, богатыми, а ваши враги будут худеть, бледнеть и систематически лишаться премиальных...

* * *

Прыгая на одной ноге, дабы вылить из ушей зеленый чай, я покидаю кафе «Табасом» и иду к «Беседке любви». Нет, нет, я один, единственная моя спутница — луна, хотя я и иду объясняться в любви.

Норак... Разреши признаться в любви к тебе, став коленом на деревянные перила. Так лучше тебя видно. А утром уезжать, и на душе грустно...

Вот там, прямо подо мною, искрится ювелирным набором огней главный проспект. Это в него стрелял Ибрагим-бек.

Чуть левей — широкоэкранный кинотеатр. На его мозаичном фронтоне парень-строитель держит в руках укрощенную электрическую молнию. Это и в него стрелял Ибрагим-бек.

Слева, справа, вверху, кругом сегодня поднимут первомайские бокалы те, кто трудом своим, мускулами своими и сердцем своим вызвал к жизни огромное чудо — Норак. Это и в них стрелял Ибрагим-бек.

Безумец!

Вл. МИТИН,
специальный корреспондент Крокодила

г. Норак.

ВЕСНУШКИ

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

А. САЛЕНКО

МЕНЯ ВОСПИТЫВАЮТ...

До женитьбы я считал себя неглупым мужчиной с несгибаемой волей. Мне казалось, что из меня получится если не великий полководец, то на худой конец покоритель вершин, а в крайнем случае просто хороший муж.

Но жена быстро и решительно рассеяла эти мои заблуждения.

Оказалось, что я ничего не умею делать, не разбираюсь в модах и людях. Меня надо воспитывать и воспитывать. И если из меня выйдет что-нибудь путное, этим я буду обязан только жене — и никому другому.

Мое перевоспитание началось на второй день после свадьбы. Жена принесла из школы, где была классным руководителем, лист ватмана и сказала:

— Вася, сегодня ты будешь рисовать нашу классную газету. Она называется «Ежик».

— Увы! — горестно развел я руками.— Своими успехами я, бывало, доводил учительницу рисования до истерики.

— Вот и прекрасно! — сказала жена.— Теперь ты научишься тому, чему не научился в школе.

Через двадцать две бессонные ночи я рисовал как профессиональный художник. Жена познакомила меня с редактором классной стенной газеты Владиком Бретелькиным, и тот дважды в месяц вывешивал в классе свеженький номер. На городской выставке стенной печати наш «Ежик» получил грамоту, а Владик — транзисторный приемник. В школе по этому поводу был устроен вечер. Директор долго жал руку моей жене и со слезами на глазах благодарил за то, что она сумела воспитать в своем классе такой могучий самобытный художественный талант. И еще он говорил, что не удивится, если Владика примут в художественный институт без вступительных экзаменов.

Но великий художник умер в тот день, когда заведующий гороно подписал приказ об организации выставки самодействующих приборов, созданных учащимися.

— Дорогой мой! — сказала мне вечером жена.— Ты понимаешь, какие возможности открываются для твоего воспитания в свете поставленной задачи?

Я понял. Тюбики с красками и кисти были выброшены на свалку, а мольберт порублен на дрова. Их место заняли токарный станок и ртутные выпрямители. Осциллограф я купил на рынке за собственные деньги. Зато плазменноэлектрический генератор, собранный мной вместе с его автором, учеником 8-го класса Колей Бубликом, был отправлен в республиканский центр на выставку. Попутно, работая над генератором, я открыл таусинхрокогерентные явления, которые в специальной литературе теперь называются «эффектом Бублика».

И все-таки этого оказалось мало, чтобы стать настоящим мужчиной.

Требовалось (разумеется, исключительно в целях моего воспитания) вести в школе радиокружок, обучить сорок восьмиклассников езде на мотоцикле, организовать любительскую киностудию и вырастить с юннатами пять-шесть новых сортов клубники.

Летний отпуск я должен посвятить ремонту школьного здания и вышиванию крестом скатерти для выставки школьных кружков рукоделия. Скатерть я, видимо, не успею закончить, и ученица 5-го класса Вера Пуговкина не получит первый приз.

Жена, конечно, стукнет кулаком по столу и скажет:

— Я так и знала! Настоящий мужчина из тебя никогда не получится!

г. Херсон.

М. ЗАХАРОВ

ДАР УБЕЖДЕНИЯ

Явился изобретатель и предложил прекрасную идею.

— Представьте себе изящный агрегат высотой в два метра,— радостно сказал он, развернув на моем столе кипу чертежей.— Клиент опускает монету достоинством в пять копеек и вставляет голову в специальное отверстие. Тотчас же срабатывает автоматическое реле, и в зависимости от густоты волосяного покрова две синхронно работающие расчески производят ряд чесательных операций. В случае если голова оказывается лысой, раздается звонок, и клиент получает свою монету обратно.

— Это хорошо,— сказал я, подумав.— Дело нужное. Актуальное. Важно теперь только определить наиболее экономичный режим работы вашего автомата.

— Не понимаю,— удивился изобретатель.

— Со скольких часов начнем чесать клиентов? Вот вопрос! — сказал я изобретателю.— В часы пик, мне думается, начинать нецелесообразно. Ни одно уважающее себя заведение в наше время не открывается раньше одиннадцати часов дня. Если включать автомат до одиннадцати, каждый, кому не лень, начнет с утра пораньше совать в него свою голову. Поэтому, мне думается, следует начинать ровно в двенадцать. С двенадцати до двух чешем без перерыва. С двух до трех закрываемся на обед!

— Зачем же автомату закрываться на обед?— подскочил на месте изобретатель.— На то он и автомат, чтобы без обеда!

— Не знаю, не знаю,— подумав, сказал я.— Обед — это не так уж плохо. И потом, у нас все закрывается на обед. Ничего страшного! Не успел причесаться до обеда — погуляй часок нечесаным, приходи после трапезы и причесывайся себе на здоровье, пока не стемнеет!

— Пока не стемнеет? — снова удивился изобретатель.

— Конечно,— объяснил я.— До первых сумерек. Часов, я думаю, до семи почешем. Точнее, до шести сорока пяти. За пятнадцать минут будем отключаться.

— С шести сорока пяти отключаться?! — сокрушенно пробормотал изобретатель.— А что же потом делать?

— Потом хорошему человеку делать нечего, а автомату тем более,— объяснил я.— Когда на улице темно, все приличные заведения должны отключаться. В этом вопросе у нас накоплен богатый опыт.

— Что же это такое? — огорчился изобретатель.— Неполных шесть часов работы — и все?

— Почему это все? — удивился я.— В предпраздничные дни будем отключаться на час раньше.

— Еще раньше?!

После этих слов изобретатель так загрустил, что мне стало его искренне жаль.

— Действительно, получается маловато,— сказал я ему через некоторое время.— Может, до обеда тогда вообще не включаться? Работать так уж сразу после обеда?

— После обеда можно причесаться и самому, без автомата! — подумав, возразил изобретатель.

— Кстати, можно и до обеда! — дополнил я мысль изобретателя.

— Знаете что,— вдруг воскликнул он, просветлев,— может быть, тогда вообще не следует включать автомат? Мне думается, вы очень точно и последовательно убедили меня в нецелесообразности круглосуточного обслуживания населения.

— Если бы только вас! — неожиданно признался я.— К сожалению, я всех в этом убедил.

Вл. ПАНКОВ

РЫБИЙ ЖИР

Завидуете моему здоровью? Наверное, самим хочется в ледяную прорубь? Поплескаться, понырять, а потом до красного каления растереться мохнатым полотенцем!

Что, рано еще? А хотите знать, с чего я начинала? С рыбьего жира. Нет, что вы, я им не мажусь. Рыбий жир нужно употреблять внутрь. Этого только мой сын Вовка не хочет признавать.

До каких только хитростей не додумывались мы с мужем, чтобы вливать в Вовку этот самый напиток! Нервничали, кричали, швырялись игрушками. А сыну все нипочем. Не желает — и точка.

Но вот однажды предпринимали мы очередную попытку протолкнуть Вовке в рот ложку рыбьего жира. Чтобы как-то отвлечь малыша, отец сделал стойку на руках. Вовка, ужасно удивившись, разинул рот. Собственно говоря, я тоже удивилась, как это мой муж, успевший уже нагулять животик, способен на такие гимнастические порывы.

Между тем Вовке это понравилось. Муж каждый день теперь делал стойки на руках, а сын исправно пил рыбий жир. Наконец сын понял, что с ним хитрят, и перестал удивляться.

Тогда сделала стойку я. Сын не среагировал. Я подпрыгнула под потолок. Тут уж удивились все. Даже я. Дело в том, что в молодости я была лихой спортсменкой, но постепенно... Ах, все мы постепенно опускаемся!

Прошло некоторое время, и прыжки тоже наскучили сыну. Пришлось нам с мужем разнообразить свои упражнения: я исполняла танец с булавами, а он поднимал штангу.

Потом я стала прыгать со скакалкой, а он — избивать боксерскую грушу. Потом нам пришлось заняться парной акробатикой, бадминтоном, фигурным катанием на роликах и вот, наконец, зимним плаванием.

Здоровья у нас — хоть отбавляй! И все рыбий жир помог. Вон, видите, на берегу муж с ложкой ждет. Сейчас я нырну, и Вовка проглотит очередную ложку. Следите внимательно: р-раз!..

БЫЛИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

А. ТВАРДОВСКИЙ

ДЕД ДАНИЛА — ПРОВОДНИК

Шел Данила через бор,
На опушку вышел.
Непонятный разговор
За кустами слышит.
— Стой, Полкан! — Исподтишка
Пораздвинув ветки,
Дед увидел три штыка
Вражеской разведки.

Свой старинный дробовик
Под кустом запрятал —
И к солдатам напрямик
С видом простоватым.
Унтер — хвать за пистолет!
Только видит что же!
Перед ними просто дед,
Набожный, похоже.

— Слушай,— унтер говорит,
Сдвинув брови строго.—
Где тут мельница стоит,
Покажи дорогу.
Услужить Данила рад
Даром, не за плату.
— Провожу, куда велят
Господа солдаты.

Дед идет. Солдаты — вслед,
Пес бежит лохматый.
— А не сбился сам ты, дед!—
Говорят солдаты.—
Может, ту тропу забыл,
Ищешь ветра в поле!
— Что вы, сам солдатом был
При царе Николе...

Дед все глубже в лес ведет.
Лес — родная хата.
Вот поляна, поворот,
Тут свои ребята...
— Эй, ты, дед, куда! Постой! —
Крикнул унтер строго.
— Извиняюсь, за нуждой
Отойду немного...

Унтер выстрелить готов,
Слышен лай Полкана.
— Руки в гору!— Из кустов
Хлопцы-партизаны.
Всех троих связал отряд,
Вот и делу крышка!
А старик побрел назад
Подобрать ружьишко.

1941 г.

А. ФЕДОРОВ,
дважды Герой Советского Союза

МАСКАРАД В УГРИНИЧАХ

Случилось это в конце 1943 года в селе Угриничи, затерявшемся среди лесов и болот оккупированной врагом Волыни. Однажды перед прихожанами местной церкви появился моложавый священник и прочел проповедь.

Однако его проповедь лишь в самом начале состояла из библейских цитат. Затем моложавый батюшка зачитал собравшимся в церкви крестьянам последние сводки Совинформбюро о налетах советской авиации на Берлин, об успешном продвижении войск 1-го Украинского фронта. Эти новости были выслушаны с величайшей радостью.

Все бы тут хорошо, но вдруг оказалось, что под видом священнослужителя в церкви выступил политрук одной из рот нашего партизанского соединения Василий Коновалов. И раба божьего Василия привлекли к партийной ответственности «за оскорбление религиозных чувств верующих».

— Ну, рассказывай, товарищ Коновалов, что ты там натворил в угриничской церкви? — строго обратился к нему секретарь партбюро Семен Газинский.

— Ничего я не натворил. Проводил работу с населением,— ответил Вася.

— А лучшего места не нашел?

— Трудно найти лучшее. Аудитория огромная!

— Аудитория! Ты еще скажи, зрительный зал. Церковь — это тебе не театр, товарищ Коновалов! — напомнил секретарь партбюро.

— Знаю, что не театр,— буркнул Вася.

— Плохо знаешь, если затеял там инсценировку! Теперь признавайся честно — поповскую ризу надевал?

— Надевал, но не ризу, а рясу... Разбираться надо!

— Ладно, пусть будет ряса... Значит, надевал! А как с бородой было? Наклеивал?

— Какая там борода? Это уж преувеличили!.. Просто небольшая бородка, что-то на манер эспаньолки... Пришлось наклеить. Отец Никодим самолично посоветовал.

— Какой еще Никодим?

— Отец Никодим нынешний настоятель церкви в Угриничах... Ничего себе, добрый старикан! Кое в чем помогает.

— Обожди, Вася! Разве священник этот знал про твой маскарад? — спросил кто-то из членов партбюро.

— Как же ему не знать! А кто мне рясу дал? Кто библию дал? Кто на клирос вывел и сказал, что приехал новый батюшка?.. Сам-то Никодим зачитать сводки побоялся.

— Тогда батюшка похрабрее и объявился? Отец Василий! Во как! — усмехнулся Газинский.

Рассмеялись и другие. Одному Васе было не до смеха.

Строгое расследование все же установило, что Коновалов «проповедовал» в церкви действительно с полного согласия и при помощи настоятеля. Но пришлось Васю предупредить:

— Больше такими методами не агитируй!

Само собой, Вася подчинился. Но при необходимости он выступил бы и в роли архиерея. Потому что по довоенной своей профессии Василий Коновалов — драматический артист.

Когда началась война, наше партизанское движение сразу же сделалось массовым, всенародным. Вступали в партизанские ряды люди самых разнообразных профессий. Среди наших минеров, подорвавших несколько сот фашистских эшелонов, были художник-плакатист Алексей Садиленко, агроном Павел Мышлякевич, золотоискатели Василий Кузнецов и Федор Широкий. А моим заместителем по диверсионно-подрывной работе оказался Алексей Степанович Егоров, до войны финансовый работник. Перемена специальности оказалась для Егорова настолько успешной, что в рядах партизан он стал Героем Советского Союза.

Как видите, на войне люди всяких профессий годятся...

— Что так любовно смотришь на снаряд?
— Узнаю работу жены.

Рисунок П. ШУХМИНА
(Журнал «Фронтовой юмор» № 6, 1942 г.)

Радио донесло...

Это было в середине октября 1944 года. Мы сидели в кают-компании за ужином, когда в репродукторах зазвучали позывные Москвы. Мгновенно исчезла некоторая скованность, вызванная тем, что за столом вместе с нами, невысоких чинов офицерами, сидел командующий Северным флотом адмирал Арсений Григорьевич Головко.

— Это про нас будут передавать,—улыбнулся командующий.

Действительно, через минуту раздался знакомый голос Левитана:

— Приказ... Командующему Карельским фронтом генералу армии Мерецкову... Командующему Северным флотом адмиралу Головко....

Бархатный голос диктора торжественно вещал:

— ...войска Карельского фронта и корабли Северного флота штурмом овладели важным опорным пунктом противника городом Петсамо и портом Линнахамари...

Едва прозвучали заключительные слова приказа, как кто-то из офицеров заметил:

— Надо бы митинг сейчас...

— Верно,— согласился адмирал.— Займитесь, капитан-лейтенант,— обратился он к заместителю командира подразделения по политчасти.— Через двадцать минут и начнем.

— Есть! — С этими словами замполит поднялся.

— Да, вот еще что: надо, чтобы на митинге выступили наиболее отличившиеся в этих боях. Ну, скажем, старший матрос Орехов, представленный к ордену Красного Знамени. Этот орел сейчас здесь?

— Здесь, здесь,— ответили сразу несколько человек.

Замполит отправился готовить митинг. Все остальные, забыв об ужине, стали оживленно комментировать приказ, вспоминать перипетии только что закончившегося сражения за Петсамо. Назывались имена многих участников десанта, и среди них имя старшего матроса Орехова, действовавшего необычайно дерзко и самоотверженно.

Потом отправились на митинг.

— Товарищи,— начал замполит, когда все собрались,— позвольте объявить митинг по случаю... по случаю... в связи... То есть, я хочу сказать, по поводу...

Начавшийся было смешок тотчас же прекратился, едва только замполит сообразил, что ему не выпутаться из этих «по случаю» и «в связи». И решительно произнес:

— Ну, одним словом, слово имеет командующий флотом адмирал Головко.

Пригладив слегка тронутые сединой вьющиеся волосы, командующий заговорил о славной победе, в которую североморцы внесли достойный вклад.

— Мы будем наращивать удары по врагу на всех участках, на всех направлениях огромного фронта...

Шквал рукоплесканий был ответом на речь адмирала.

— А теперь,— сказал замполит,— слово имеет старший матрос Орехов.

От большой черношинельной массы отделился среднего роста коренастый моряк. Выйдя на середину, он кашлянул, потом, сунув руку в карман, вытащил и развернул бумажку. Заглянув в нее, сказал:

— Товарищи!..

И замолчал. Потом, взглянув на замполита, делавшего ему какие-то отчаянные знаки, снова достал бумажку и, быстро пробежав ее глазами, вдруг бодро начал:

— Товарищи! Радио донесло до нас радостную весть о том, что войска Карельского фронта и моряки Северного флота штурмом овладели Петсамо...

Громовой хохот остановил его. Он недоуменно посмотрел на своих друзей-матросов, на офицеров, на командующего — все они до единого весело смеялись. Лишь два человека не понимали причин этого внезапного взрыва веселья — герой битвы за Петсамо старший матрос Орехов и готовивший его к выступлению на митинге замполит.

Потом выступило еще несколько участников петсамского десанта. Все они горячо говорили о готовности победно завершить войну, бить ненавистного врага до тех пор, как выразился один из ораторов, пока радио не донесет до всего мира радостную весть о полном разгроме фашизма.

Ян ОСТРОВСКИЙ

Эти кадры удалось заснять военному журналисту Г. Зельме.

Шла Сталинградская битва. Каждый дом — крепость. И вот в самый разгар ожесточенного боя советский воин принимает ванну. Точнее, в полном боевом снаряжении, в тулупе и в валенках, удобно расположился в ванне. Что и говорить, позиция на редкость удобная! Ну как ею не воспользоваться!..

Сражение на Волге завершилось победой советских войск. И вот фото — последний гитлеровец, одетый по новейшей «драп-моде», покидает Сталинград...

Весна на фронте

Она его ждала

и вот ОН показался

... прошел и не заметил

Майская зелень (резервы)

Светлячки

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА
из газеты 1-го Украинского фронта «За честь Родины», 1943 г.

Братья ТУР

САПОГИ

Сосед по койке справа оказался веселым парнем. Правда, всю ночь он стонал и бредил — его привезли раненным. Но к утру после переливания крови он пришел в себя и, оглядывая соседей по палате, спросил:

— Как живете, караси? — И сам себе ответил в рифму: — Ничего себе, мерси!

Все улыбнулись. Он поздоровался:

— Приветствую почтенное собрание! Лейтенант Свиридюк, танкист.

Поглядев в его смеющиеся глаза, капитан Свиязов сказал:

— Ну и живуч ты, танкист! Привезли почти мертвецом, а сейчас — как огурчик. Куда ранен?

— В ногу. Жалко, сапог прострелили...

— На ногу, стало быть, наплевать, — засмеялся капитан.— Сапог, выходит, важнее...

— Особенные сапоги! Дороги, братцы, как память. И к тому же хром первый сорт. Трофейная вещь!

— Почему трофейная?

— У гитлеровца отобрал. Понимаешь, когда ночью выбивали мы фашистов из Вязовки, один офицер ихний вскочил спросонок и стал ноги в сапоги совать. Только... на том свете уж обулся. Смотрю на сапоги, вижу: совсем новенькие. Я их к командиру приволок. Ну, командир дозволил мне их надеть, поскольку они, видать, краденые, а мои сильно истрепались... Эх, где ты сейчас, Тиунов Василий Кузьмич?.. Жив ли? Не знаешь, бедняга, кто твои сапоги носит!..

— Постой! — внезапно вскрикнул капитан. — При чем здесь Тиунов?

— Уж будьте спокойны, зря не скажу! Каждый день, как обуваюсь, фамилию читаю. Она внутри голенища химическим карандашом написана.

— Вот история! У нас же в эскадрилье ночных бомбардировщиков есть оружейник Тиунов Василий Кузьмич... Он еще меня в полет снаряжал месяц назад. Только он никогда в плену не был. И работает, так сказать, в тылу, на аэродроме. Наверное, однофамилец.

— Все-таки написать ему надо, — заволновался танкист. — А вдруг его сапоги? Ведь не только фамилия, а имя, отчество сходятся. Немедленно напишите! Ежели его, пускай приезжает за сапогами. Мне их не надо.

— Нет, он сейчас далековато отсюда. Вряд ли сможет приехать. И к тому же, каким макаром его сапоги могли гитлеровцам попасть?.. Да нет, однофамилец!..

* * *

...Поздно вечером в штабную землянку вошел, вернее, вбежал, оружейник Тиунов и, запыхавшись, отрапортовал командиру авиационного полка майору Борисову:

— Товарищ майор, разрешите доложить? Сапоги нашлись!

— Какие сапоги? — не понял майор в первую минуту.

— Ну, мои! Которые к противнику сброшены.

— Заработался ты, видать, Тиунов, — сочувственно сказал майор. — Отдохнуть тебе надо.

— Ей-богу, нашлись, товарищ майор! Вот письмо из госпиталя от капитана Свиязова.

* * *

За две недели перед этим мастер по вооружению старший сержант Тиунов, справив себе новые хромовые сапоги, пришел на аэродром, имея оные под мышкой. В этот день после долгих морозов была оттепель. Аэродром подтаял. Сверху сыпалась мокрая крупа. Желая уберечь обновку от пагубных влияний атмосферы, Василий Кузьмич повесил сапоги рядом с бомбами в люке скоростного бомбардировщика и приступил к работе.

Внезапно была объявлена боевая тревога. Экипажи вскочили в машины, и сапоги Тиунова взмыли тоже и полетели на запад, где были сброшены вместе с бомбами в расположение гитлеровских войск.

Хватился сапог Тиунов только тогда, когда бомбардировщики уже прилетели с боевого задания. Рассеянный сержант погоревал об обновке, но вскоре успокоился. Зато история эта дала пищу для острот всему полку на целую неделю. При встрече с Тиуновым летчики шутили:

— Ну что, обуваешь гитлеровскую армию?..

Прочитав письмо капитана Свиязова, командир полка развел руками и сказал:

— Ну и чудеса!.. Чего только на войне не бывает...

* * *

Через несколько дней бомбардировочный полк передвинулся дальше на запад вслед за наступающей армией и разместился недалеко от городка, из которого пришло письмо от капитана Свиязова. Тиунов попросил разрешения навестить капитана и заодно получить свои сапоги.

Когда Тиунов пришел в госпиталь, капитан Свиязов уже готовился к выписке. Он долго счастливым, раскатистым смехом выздоравливающего человека смеялся над историей с сапогами, а на вопрос о танкисте Свиридюке ответил:

— Уехал в часть. Выписался, понимаешь, и уехал. Сейчас, милый мой, ваши сапоги далеко на западе. Хотел он мне их оставить, только не будьте на меня в претензии — не взял. Предполагал, что однофамилец... Да и не знал, когда с вами встретимся. Меня тут в тыл отправить хотели на поправку. Слава богу, отбоярился...

— Ничего, — сказал Тиунов, — пускай носит. Так, говорите, далеко на западе нынче мои сапоги?.. Интересно! — И он довольно потер руки.

Когда они с капитаном Свиязовым вернулись в полк, командир спросил Тиунова:

— Ну как, сержант, привез ли сапоги?

— Нет, — ответил Тиунов и рассказал, что танкист уехал в часть, на запад.

— Придется нам теперь догонять ваши сапоги,— сказал майор.— Всем полком будем догонять. Однако боюсь, что получите их не раньше, чем в Берлине. Так и придете туда врозь. Вы отдельно, а ваши сапоги отдельно. Только ведь сносит он их, этот танкист... Как пить дать, сносит!..

— Ничего, — уверенно ответил Тиунов. — До Берлина не сносит. Не успеет сносить...

1943 г.

Сергей ШВЕЦОВ

Вынужденная скромность Гитлера

Германскне власти запретнли редакторам газет и журналов прн оценке войны на Востоке сравннвать ее с походом Наполеона на Россию. Адмнннстрацнн театров предложено снять с репертуара спектаклн, в которых фигурнрует Наполеон.

(Из газет.)

Теперь в литературе и на сцене
Он будет повторять, входя в азарт:
«Помилуйте, какой я Бонапарт?!
Здесь никаких не может быть сравнений!»
Мы скромности за ним не замечали.
Откуда эта честность в подлеце?
Наполеоном возомнив себя вначале,
Теперь он вспомнил о его конце!

1942 г.

Теория и практика генерала Гудериана

Недавно этот танковед
Книжонку выпустил на радость людоедам.
В ней, смело от «побед» идя к «победам»,
Он росчерком пера «завоевал» весь свет!
И этот же хвастливый генерал,
Фашистский военспец и теоретик,
От наших войск под Тулой удирал,
В дороге растеряв машин своих две трети!
Его полки разбиты нами в дым.
Сидит Гудериан, уныл и мрачен...
В теории он был непобедим,
На практике — расколошмачен!

1942 г.

ПСИХИЧЕСКАЯ АТАКА

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА
Из фронтового альбома, 1942 г.

Бравый солдат Швейк воюет против Гитлера

В годы Великой Отечественной войны на территории Советского Союза действовала чехословацкая радиостанция «За национальное освобождение». Чехословаки впервые услышали ее позывные в конце июля 1941 года.

Работники станции решили призвать на военную радиослужбу любимейшего народного литературного героя — бравого солдата Йозефа Швейка.

Один из редакторов и дикторов радиостанции «За национальное освобождение», Густав Бареш, готовит сейчас к печати книгу воспоминаний. Мы печатаем взятые из этой книги выступления бравого солдата Швейка по радиостанции «За национальное освобождение».

КАК ШВЕЙК ОТПРАВИЛСЯ НА ВОЙНУ

...Я еще лежал в постели и думал, что же мне делать, как вдруг кто-то позвонил. Пани Мюллерова, вечная ей память, была наверняка уже в раю. Пришлось самому вставать и открывать.

За дверью стоял незнакомый пан в котелке и все время подмигивал то правым глазом, то левым — совсем как один человек из Глубочеп, про которого люди говорили, что он двуполый и что один пол в нем подмигивает другому. Вдруг этот пан заговорил:

— Пан Швейк, великогерманский рейх Адольфа Гитлера вступил в гигантскую битву от Северного Ледовитого океана аж до африканской пустыни Сахары, где живут те самые верблюды, что долго могут не пить. Без вас, пан Швейк, на войне не обойтись. Сами понимаете: новый порядок в Европе надо создавать.

А вы знаете, иногда ведь и самые лучшие намерения люди плохо понимают. Взять хоть того старосту в Нижних Суголичках. Он был неженатый, детей не имел, а по характеру — прямо огонь! Каждый вечер, бывало, напьется вдрызг, влезет в пивной на стол и кричит:

— Что это за порядок! Никакой это не порядок! Вот я наведу здесь новый порядок!

И все при этом должны были орать:

— Да здравствует наш дорогой пан староста!

Потом как снег на голову приехала комиссия ревизовать общественную кассу. Приехала и видит: пан староста висит на вожжах в амбаре. А на столе записка: «Мир меня не понял». А в кассе два австрийских крейцера да два жестяных кружка, которые оказались собачьими бирками. Вот тебе и новый порядок!

Тут я стал одеваться, сунул руку в карман к тому пану, который за мной пришел, и — представьте себе — вытащил оттуда свой серебряный портсигар, подаренный мне одним паном советником, которому я привел сбежавшего от него пуделя.

— А ты проворный парень,— сказал я ему строго.— Ну да ладно, пойдем. Гитлер объявил войну России, и нам надо поторапливаться. Видать, ему там не очень-то легко, если за мной послали.

ШВЕЙК ВЕРБУЕТ ДОБРОВОЛЬЦЕВ

Решил я навербовать чешскую добровольную маршевую роту для германских погребальных нужд. Прихожу в штаб немецкого командования за разрешением. Там смотрят на меня подозрительно, крутят головами: как бы, десять, люди не истолковали это по-своему. Но я их убедил.

— Господа,— говорю,— дело это задумано серьезно. Каждый должен сделать для рейха все, что в его силах. Ведь если у пана Гитлера останутся солдаты, не закопанные в землю, от этого пострадает честь всей немецкой армии!

Убедил. Один лавочник из Жижкова подарил мне свою лавочку — все равно торговать было нечем. Принес я из дому старую вывеску «Йозеф Швейк, торговля собаками». «Торговлю собаками» замазал, а сверху мелом написал: «Ищу добровольных могильщиков для великогерманского рейха».

Повесил вывеску на двери и стал ждать.

Пришла одна старушка и спросила, когда будет мука.

— Дорогая мамаша,— объясняю ей,— мукой торговать не будут до тех пор, пока не найдется достаточное число могильщиков для рейха.

Вечером в трактире «У чаши» я жаловался, что никто не замечает вывески на моей лавочке. Пан советник Пейтличка сказал, что я действую слишком старомодно. Об этом, говорит, надо дать объявление во все газеты. А тут как раз сидел один студент, который только что вышел из тюрьмы. Он сразу же предложил мне свои услуги.

На другой день я шагал в издательство газеты «Политика» с объявлением. Вот как оно выглядело:

«ЧЕХИ!

Наконец-то у вас есть возможность доказать,
КАК
вы любите великого фюрера
пана Адольфа Гитлера!
Кто из вас откажется
КОПАТЬ МОГИЛЫ ДЛЯ АДОЛЬФА ГИТЛЕРА
И ДЛЯ ВЕЛИКОГЕРМАНСКОГО РЕЙХА?
НЕ РАЗДУМЫВАЙТЕ
ни секунды!
ЗАПИСЫВАЙТЕСЬ В ЧЕШСКУЮ
ДОБРОВОЛЬНУЮ СОТНЮ МОГИЛЬЩИКОВ,
которая в самое ближайшее время отправится
на Восточный фронт для участия в весеннем
НАСТУПЛЕНИИ!

Заявления принимает Йозеф Швейк,
Прага XI, Карлова улица».

Объявление в «Политике» напечатали, правда, с маленькими поправками. Успех был огромный. Заявления подавали даже школьники и старики.

Вечером я снова сидел в трактире «У чаши». Вдруг прибегает дворничиха, растрепанная, запыханная, и кричит, что меня ждут господа из гестапо из-за какого-то объявления в «Политике». Пришлось пойти объяснить господам, что на это дело у меня есть разрешение от самого высокого начальства.

Каждое утро три почтальона приносили мне полные сумки писем с предложениями. Например, могильщик с Ольшанского кладбища писал:

«Как высококвалифицированный могильщик, заявляю, что готов закапывать генералов и офицеров от обер-лейтенанта и выше, а также маршалов. Охотнее всего закопал бы пана Гитлера».

Пришло письмо и от одного вахмистра в отставке:

«Я служил при государе императоре Франтишке Йозефе Первом — вечная ему память. Готов поступить к вам, если вы можете мне обещать место председателя общества заслуженных могильщиков великонемецкого рейха».

А из Моравской Остравы пришло письмо, которое я только успел прочесть, к его тут же у меня конфисковали гестаповцы. А знаете, почему? Там было написано: «Нечего вам ехать на Восточный фронт. Будет у вас и здесь работы по горло».

С чешского перевел П. ПРОНИН.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

ЧАСТУШКИ ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Удивляется народ
у московских у ворот:
немцы ходят
в наступленье
только задом наперед.

Пишет Ганс
сестренке Марте:
«Мы Москву
захватим в марте».
Отвечает Марта так:
«Был дурак
и есть дурак».

Из Берлина полк СС
завалился в русский лес.
Лез он, лез он, лез он, лез
и долез аж до небес.

На морозе еле-еле
рота немцев шла вперед.
Мы ту роту так огрели,
что от роты дым идет.

1942 г.

ПОЧТИ ПО НЕКРАСОВУ

— А что, у отца-то большая семья?
— Семья-то большая, да два человека всего мужиков-то: отец мой да я. И все партизанят.

Рисунок В. ГОРЯЕВА. 1943 г.

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ

Песенка о Максиме

На границе, где ветлы-березки,
Где теперь нам пришлось воевать,
Там служили-дружили два тезки,
И обоих Максимами звать.

Был один пулеметчик толковый:
— Познакомьтесь с Максимом моим!
А другой пулемет был станковый,
По прозванию тоже Максим.

Крепко связаны дружбою старой,
Каждый день шли в походы, в бои
Неразлучною дружною парой
Оба тезки — Максимы мои.

Очень точно наводит наводчик,
Пулемет же без промаха бьет.
— Так, так, так! — говорит пулеметчик,
— Так-так-так! — говорит пулемет.

От осколка залетной гранаты
Раз попало обоим — двоим.
Пулеметчик был ранен, ребята,
Поврежден пулемет был Максим.

Дни леченья проносятся мимо,
И дружку произведен ремонт.
И опять оба тезки Максима
Возвращаются вместе на фронт.

Знать, за то, что в бою нестерпимо,
С максимальною силою бьет,
И зовут того парня Максимом,
И Максимом зовут пулемет.

1941 г.

ГЕСТАПОВЦЫ ПОЮТ «КАТЮШУ»

— Ой, это ж мой чемодан идет! — воскликнула Мария Ильинична Груздова и судорожно схватила своего спутника подпольщика Николая Давыдовича Слободяника за рукав.

Чемодан по причине своей неодушевленности сам идти, конечно, не мог. Мария Ильинична оговорилась от изумления.

Удивляться было чему. Груздова в последний раз видела свой чемодан у себя на квартире. И отлично знала, что там, у нее дома, надеясь захватить кого-либо из членов подпольной организации, засели два гестаповца.

А спутать свой чемодан с другим она не могла. Он отличался странной формой и не менее странным цветом.

...Подпольщики двинулись вслед за несшим чемодан. Его опознали, когда он постучал в дверь того дома, где ныне скрывалась Мария Ильинична. Ба, да это ж свой человек, рабочий железнодорожного депо Антон Печенев — в подполье «Тосик».

Тосик знал, что Мария Ильинична убежала из своего дома в легком ситцевом платье, не успев захватить чемодан, куда сложила одежду. Наступил уже сентябрь. А чтобы тогда, в 1942 году, приобрести в Киеве теплые вещи, надо было иметь целое состояние.

И Тосик, не промолвив никому ни слова, решил помочь подпольщице. Он стал выслеживать выслеживающих. «Наблюдения» велись по слуху. Тосик поднимался по черному ходу и прикладывал ухо к двери...

Первое время гитлеровцы были сверхбдительны. Они спали по очереди, не расставаясь с оружием. Ходили только на цыпочках. Говорили только шепотом. Пищу им приносили по ночам.

Но потянулись недели, острота притупилась. Гестаповцы раздобыли изрядное количество шнапса и патефон с одной пластинкой — популярной русской «Катюшей». Озверев от скуки, они заставляли бедную Катюшу выходить на берег ежедневно по двадцать — тридцать, а то и по сто раз.

«Конспираторы» во все горло подтягивали патефону, как им казалось, на чистейшем русском языке. А до слуха Тосика долетали диковинные слова:

Выйхейтила найбериг Катьюша,
Най выйсокай берейг,
Найкрутойт.

Пока гитлеровцы «учились» русскому языку, Печенев научился по слуху определять, сколько спиртного они уже успели хлебнуть. Прямую пропорцию между количеством выпитого и громкостью песнопения они соблюдали неукоснительно.

Как-то днем, когда рев в комнате, где засели гитлеровцы, достиг апогея, а мать Груздовой Прасковья Яковлевна находилась на кухне (позвякивали кастрюли), Тосик тихо постучал.

Прасковья Яковлевна приоткрыла дверь и, увидя незнакомого человека, слегка ахнула. Тосик быстро приложил палец к губам и на секунду принял позу человека, несущего в руке кладь.

Такой язык Прасковья Яковлевна поняла без переводчика. Она кивнула на простенок между плитой и кухонным столом, где стоял чемодан...

На следующее утро, опасаясь, как бы гитлеровцы не обнаружили исчезновения чемодана, смелая старушка перешла в решительное наступление. С пеной у рта она набросилась на старшего по чину, тучного Людвига (который немного понимал по-русски), требуя ответа, на сколько бутылок шнапса они через своих «снабженцев» выменяли ее лучшее пальто и другие вещи.

Мария Ильинична до сих пор хранит уникальный чемодан в память о том, как подпольщики одурачили гестаповцев и помогли товарищу по подполью.

В. ДРОЗДОВ,
генерал-майор в отставке

Плакат Бориса ЛЕО. 1942 г.

Гитлеровский документ «О будущности города Петербурга» гласил: «В случае захвата или сдачи Петербурга... фюрер решил стереть город с лица земли... После поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населенного пункта»...

Эти бредовые мечтания фашистских параноиков вызывали у ленинградцев презрительную усмешку.

Уже 23 июня 1941 года на Невском было вывешено первое «Окно ТАСС» — плакат Ник. Игнатьева: широко разинутую пасть фашистского гада пронзил красный штык. Под карикатурой подпись:

«Ты привыкла, гадина,
Лопать, что украдено.
Будет тебе, гадина,
По-советски дадено!»

И «дадено» было, как известно, не в шутку!..

Вместе с мощными залпами батарей Балтийского флота, грозными ударами танков и авиации били по гитлеровцам залпы сатирических плакатов, регулярно появлявшихся на стенах осажденного города-героя.

Оперативно откликались на волновавшие народ события художники Н. Игнатьев, В. Слыщенко, Б. Лео и многие другие. Активно работали в «Окнах ТАСС» поэты Ольга Берггольц, В. Саянов, А. Прокофьев...

Конечно, верно, что смеется тот, кто смеется последним. Исключения лишь подтверждают это правило. Уверенные в своей победе, ленинградцы начали смеяться первыми. Но они же отлично посмеялись и последними!

Г. МАРКОВ.

БЫЛИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

— Кажется мне, что баран опять пасется в офсайде!

Рисуиок А. КАНЕВСКОГО

Дмитрий ПОЛИНИН

Интервью влюбленных

Ташкеит.
Весиа.
От вашего спецкора...
С каким трудом
я иахожу слова!
Шумит, поет, звеиит
весенний город.
Два цвета в нем —
кумач и сииева.
Огни и звезды
спорят иад Аихором,
И по воде
плывет
их зыбкий свет.
В весеиний вечер —
необычный форум:
Здесь форум
всех
Ромео и Джульетт.
Одиой из иих
я говорю учтиво:
— Всего иа миг
от звезд
вас оторву...
И вот впервые
у плакучей ивы
Беру я
у Джульетты
интервью.
В весеиием платье,
легком и красивом,
Так грациозиа
и стройна оиа...
В театре трудится.
Актрисой?
Нет, кассиром
И потому
почти иа «ты»
с Шекспиром
И, как его Джульетта,
влюблеиа...
Нигде-иигде
свободиой нет
скамейки,
Цветы —
сирень, тюльпаиы —
иарасхват.
Парнишка слезио просит
две копейки.
Ои бросил бы
червоиец
в автомат!
А мие
Ромео
выручить приятио.
И вот
уже слышиы
обрывки фраз.
Код всех влюблеиных—
вроде эспераито.
«Без двадцати...
иа том же...
Це... сто раз».
И вот париишки
иет уже в помиие.
Я думаю
о сказаииом в коице.
Надеюсь,
речь ие шла о витамиие,
Хотя и цеииом
витамине «С».
Его
я так прекрасио
поиимаю,
И я прошу
не ставить
мне в укор.
Весной
в Ташкенте
иакануне мая
В таком же
положеньи
ваш спецкор.

МЕРОПРИЯТИЕ

Обериитесь, пожалуйста. Если через ваше плечо ие заглядывает член семьи, которого допускают только иа диевные сеансы, я сообщу вам один секрет.

Так вот, детей не иаходят в капусте. Оии появляются в полиом соответствии с закоиами природы.

Может быть, потому выход в свет иового человека приимято праздиовать, как радостиое событие. Потому рождеиие двадцати двух граждан города Туапсе было решеио отметить торжествениым актом массовой регистрации в клубе нефтяиика.

Цвели улыбки. Благоухали цветы. Казалось, должно было произойти что-то волнующее.

Собравшиеся сели иа свои места и тут поняли, что иичего волиующего не произойдет. Грузиый человек скучиым голосом зачитал положеииый поздравительный текст и, скучая, пригласил родителей на сцеиу. Мамы, обиимая свои бесценные свертки, сели в ряд. Папы стали сзади. Получилось что-то вроде аисамбля иародной песни или фотосиимка «выпускники школы трамвайиых коитролеров». Тучиый человек начал вручать свидетельства о рождении, и в голосе его зазвучала такая тоска, что собравшимся захотелось пойти домой, включить телевизор и для поднятия иастроеиия посмотреть передачу о заготовке кормовой свеклы.

Одиако оии остались. В заключение праздиоваиия иа сцеие лицом к залу и спииой к погрустневшим мамам-папам выстроились пиоиеры. После тихого «три-четыре» пионеры громко выразили иадежду, что у пиоиеров теперь будет подходящая смена.

По залу метались звонкие слова — «поздравляем», «желаем»,— а иад головами людей беззвучио и иеотвратимо висело одио-едииствеииое слово, выражающее истиииую суть того, что происходило: МЕРОПРИЯТИЕ. Скучиое слово, от которого за версту иесет формализмом.

Борис СТРЕЛЬНИКОВ

В логове битых

Майами, знаменитый морской курорт, весной 1961 года жил удивительной жизнью.

Внешне все было так же, как и раньше: тот же изумрудного цвета океан, те же белые песчаные пляжи, те же длинноногие лохматые пальмы, под кронами которых по вечерам вспыхивают разноцветные лампочки. Как и прошлой весной, в зале роскошного отеля «Саксония» шло «сражение красоты с очарованием» — конкурс на звание самой прекрасной девушки Майами. И точно так же, как прошлой весной, сука по имени «Изменница» взяла приз «Большой брильянтовой косточки» на традиционных собачьих гонках.

Как будто все было так, как всегда. Но не было спокойствия. По вечерам небо над городом обшаривали прожектора. Когда они гасли, в небе слышался гул авиационных моторов. Невидимые самолеты без бортовых огней один за другим шли в сторону Кубы.

По ночам от пустынных пляжей Майами уходили в море моторные боты. Они возвращались к рассвету, оставив позади себя взрывы в Гаване и пожары на плантациях сахарного тростника.

Город-курорт стал городом-диверсантом. В Майами расположился главный штаб кубинских контрреволюционеров. В испанском районе города открылись вербовочные пункты армии наемников. Пентагон и Центральное разведывательное управление США готовили здесь вторжение на Кубу.

Мы, трое советских журналистов, прилетели в Майами, когда вторжение началось. В аэропорту нас встретили американские репортеры. Это было неожиданностью. Ведь никому, кроме государственного департамента, мы не говорили, что собираемся в Майами.

Один из журналистов, встретивших нас в аэропорту, спросил:

— А вы, ребята, не боитесь? Вас ведь могут здесь, ну, скажем, взять в качестве заложников, избить... или что-нибудь еще в этом роде. Кубинские беженцы — народ отпетый. Для них законов не существует!

— Разве им тоже известно о нашем приезде? — удивились мы.

— Если даже пока не известно, они узнают об этом завтра утром, — загадочно ответил американский коллега.

Здесь же, в аэропорту, мы арендовали автомашину. Выбрали открытый «шевроле» ярко-красного цвета и поехали в город.

Ветер раскачивал зеленые лапы пальм, и город был наполнен их тревожным шелестом. Ветер щелкал огромными рекламами на полотне, гнал над океаном грозовые тучи. На горизонте что-то глухо ворчало — не то гром, не то далекий гул орудий.

В городском саду рыдали женщины. В черных траурных платьях, в черных платках, они воздевали руки к небесам, бились в истерике, рвали на себе волосы. Мужчины с черными лентами на рукавах шептали молитвы и проклятия. Их собралось здесь не меньше двадцати тысяч. Это были родственники тех, кто вчера ночью уплыл из Майами к кубинским берегам.

К нам попал список контрреволюционеров, взятых в плен на кубинском берегу. Он был похож на перечень знатных членов гаванского яхт-клуба. В графе «профессия» мы читали: «владелец магазина в Гаване», «владелец ресторана в Сант-Яго», «сын известного финансиста», «офицер армии Батисты».

Уже стемнело, когда ярко-красный «шевроле» остановился неподалеку от двухэтажного кирпичного дома на углу бульвара Бискейн и 16-й улицы. Здесь главный штаб кубинской контрреволюции. Мы решили побывать в нем до того, как выйдут газеты с информацией о нашем приезде.

На террасе около автомата «кока-кола» и ящиков с пустыми бутылками о чем-то горячо спорят по-испански молодые брюнеты в спортивных рубашках навыпуск. Им явно не до нас, и мы проходим мимо них в помещение штаба.

Как жалко выглядит штаб разбитой армии!

В коридоре грязно, наплевано, на полу кучи окурков, обрывки грязных бинтов, клочки плакатов. То и дело звонят телефоны. За закрытой дверью слышна брань. Нас принимают за американцев. Нам говорят: «How do you do!»[1], и мы отвечаем: «How are you?»[2].

Мы идем от двери к двери, и нам, советским журналистам, вежливо уступают дорогу, даже дают пояснения.

Вот распахивается дверь, и мы видим радиста, прижавшего к ушам чашечки наушников. На лице его растерянность. Аппарат молчит. Нам говорят, что связь с высадившимися отрядами оборвалась.

Услужливый старичок предлагает нам какой-то листок. Это изложение последней речи президента Кеннеди. Ниже контрреволюционный штаб выражает президенту США свою самую глубокую холопью благодарность за моральную и материальную поддержку.

— Что слышно с Кубы? — спрашиваем мы.

В ответ старичок растерянно разводит руками и изображает на морщинистом лице что-то вроде улыбки.

И вдруг мы слышим:

— А, ТАСС!

Американский журналист из Нью-Йорка узнал корреспондента ТАСС Владимира Богачева и радостно кричит об этом на весь штаб.

— Сейчас тебя будут линчевать, мой дорогой друг!

Богачев с преувеличенной радостью обнимает своего знакомого и ласково говорит ему на ухо:

— Мой дорогой друг, не забудь, что в Москве есть американские корреспонденты...

Наш американский коллега оказался сообразительным парнем. Он гоготал, как взволнованный гусь, хлопал Богачева по плечу, но не произносил больше ни слова. Насторожившиеся было кубинцы успокоились. Они либо не расслышали слова «ТАСС», либо приняли за фамилию.

Но когда я выходил из штаба, меня остановил какой-то верзила в полувоенной форме, с усиками над пухлыми влажными губами.

— Покажите ваши документы!

Я уже был готов к этому и предъявил пропуск в кафе для журналистов на третьем этаже здания ООН. На пропуске не было ни моей фамилии, ни названия моей газеты. На нем вообще ничего не было, кроме двух больших букв: «UN»[3].

— Пабло! — позвал кто-то.

Верзила обернулся на зов, а я поспешил к выходу, в темноту, к ярко-красному «шевроле», мотор которого, я это слышал, был уже включен.

* * *

Ночь мы решили провести в маленьком неприметном мотеле на краю города. Хозяин, крупный курчавый старик с лохматыми бровями, обрадовался нам так, как будто мы были его родственники, приехавшие наконец погостить.

— Плохи дела, — жаловался он, пока мы заполняли анкеты. — Туристов нет, отели пустуют. Фронтовой город, что вы хотите! Если так дело пойдет, мы провалимся в преисподнюю вместе со всеми нашими гончими суками и очаровательными красотками. Войной пахнет, что вы хотите!

Взглянув на анкеты, он неожиданно гаркнул по-русски:

— Га! Вы же имеете добрые российские фамилии! В Одессе не бывали?

Мы испуганно переглянулись: этого только нам не хватало! Нет, нет, честное слово, мы не из Одессы, мы из Нью-Йорка.

— Яшу Рубинчика в Нью-Йорке знаете? — прыгал вокруг нас старик. — В даунтауне торгует. Не знаете? Удивляюсь с вас. А Мишу Гершля знаете? Племянник невестки моего брата Гриши. Кто же он до меня будет? Не знаете, кто он до меня будет? Забыл, как по-русски называется. Сродственник, одним словом.

Окончательно убедившись, что мы не знаем Яшу Рубинчика и никогда не слышали о Мише Гершле, старик замолчал и посмотрел на нас с подозрением.

— А я помню Одессу, — сказал он, открывая ключом нашу комнату. — На Дерибасовской торговал квасом хромой рыжий еврей. То был мой отец. В пятом году был погром, и его растоптали ногами. А меня отбил у погромщиков сапожник Иван. Наш сосед. Русский. А то меня бы тоже растоптали ногами. Три года я жил у дяди Ивана... как сын. Как родной сын, хоть я и был некрещеный.

Утром, когда мы проходили мимо его конторки, он ткнул

Глава из книги «Как вы там, в Америке?».

[1] Здравствуйте!
[2] Как поживаете?
[3] ООН.

пальцем в газету, лежащую перед ним, и пробурчал:

— Видели, что пропечатали?

Двухэтажный заголовок на первой странице «Майами ньюз» («Лучшая газета под солнцем!») гласил:

«Здесь трое русских.
Ищут материал для разоблачения».

Майами нежился под жарким апрельским солнцем. Солнечные зайчики скакали по стеклам белокаменных отелей, резвились в купальных бассейнах, вспыхивали на хромированных носах автомашин, убегали в бирюзовую даль океана.

Испанские и негритянские кварталы изнемогали от слишком щедрого солнца. Убогие хижины задыхались от жары, от вони и смрада мусорных свалок. Голопузые курчавые ребятишки тащили куда-то убитую крысу. Молодой негр брил на ступеньках дома слепого старика негра.

Юрий Барсуков, корреспондент «Известий», остановил наш ярко-красный «шевроле» у дома на четвертой авеню. Здесь — вербовочный пункт наемников. Вчера радио объявило: такие пункты закрыты по распоряжению американского правительства. Сейчас мы видим, что это ложь.

Если вербовочные пункты закрыты, то кто же эти люди, бегущие за нашей машиной с веревками и палками в руках? Задыхаясь, они изрыгают проклятия и, толкая друг друга, прыгают в кузов грузовичка, который устремляется за нами.

Отличная машина «шевроле»! Она может брать с места и отлично слушается руля.

— Улучшайте дороги! — кричит Богачев и приветливо машет рукой преследователям.

— Гр-р-р... а-а-а! — доносится из отставшего грузовичка.

Искупавшись в океане, мы связались по телефону с лучшей под солнцем газетой, чтобы поблагодарить за рекламу.

— Вы еще живы? — обрадовались на другом конце провода.— Ради бога, уезжайте. Не кладите грех на наши души. Вас убьют здесь.

Хозяин отеля встретил нас хмуро.

— Я имел звонки,— пробурчал он, кивая на телефон.— Пытали про вас.

— Что же вы ответили?

Он посмотрел на нас как-то странно. Мне показалось, что во взгляде его была обида. Он угрюмо покачал головой, презрительно сплюнул сквозь зубы и проворчал, уходя:

— То-то и видно, что вы с Нью-Йорку. В Одессе таких нет.

Его помощник, веснушчатый лопоухий парень, с удивлением наблюдавший эту сцену и ничего не понявший, сказал:

— Что-то хозяин сегодня не в духе. Трижды кого-то посылал по телефону ко всем чертям, а в четвертый раз закричал: «Могу дать их почтовый адрес. Записывайте: Odessa-city, Ukraina — State, USSR, United States of Soviet Russia[1]». Какая муха его сегодня укусила?

[1] Город Одесса, штат Украина, СССР, Соединенные Штаты Советской России.

В ПРЕДПРАЗДНИЧНЫЙ ВЕЧЕР

— Завтра собираемся у Ляли. Ох, и потанцуем!..

Рисунок Е. ШУКАЕВА

ПРОСТО АНЕКДОТ

— Когда я был молодым,— говорил знаменитый врач,— я хотел стать художником.

— Почему же вы передумали и выбрали медицину?

— В живописи, — ответил врач,— все ошибки видны. А в медицине их хоронят вместе с больным.

*

При въезде в город Ригби, штат Айдахо, висит объявление: «Если вы едете со скоростью свыше 40 километров, вам предоставляется право посетить нашу образцовую тюрьму. Скорость свыше 60 километров дает вам право познакомиться с нашей превосходной больницей. А если вы превысите 80 километров в час, вас ждет наше показательное кладбище».

Альберт Эйнштейн, возвращаясь домой, неожиданно обратился к швейцару:

— Простите, где живет профессор Эйнштейн?

Пораженный швейцар ответил:

— Но... ведь вы и есть профессор Эйнштейн?!

— Это-то я знаю. Но я забыл, на каком этаже живу...

*

В Голливуде продюсер Селзник сказал знакомому актеру, когда тот представил его своей жене:

— Поздравляю! Уже давно у тебя не было такой милой жены!

Учитель ругает ученика:

— Неужели ты умеешь считать только до десяти? Просто ума не приложу, кем ты думаешь стать...

— Судьей по боксу!

*

— Месье,— говорит Морис учителю.— Отец мне сказал, что мы происходим от обезьян.

— Помолчите, Морис! — строго отвечает учитель. — История вашей семьи меня не интересует.

*

Дама жалуется адвокату на мужа, которого ненавидит.

— Так разведитесь! — говорит адвокат.

— Ну, нет! — отвечает дама.— Я страдала из-за него двадцать лет, а теперь вы предлагаете мне его осчастливить!

КИНОФЕСТИВАЛЬ КРОКОДИЛА

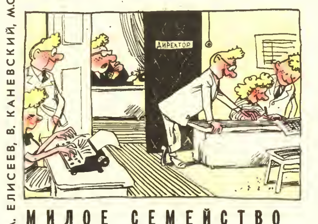
Программа фестиваля составлена Л. КАМИНСКИМ (Ленинград).

АДСКИЕ ВОДИТЕЛИ

ТАМ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ АСФАЛЬТ

МИЛОЕ СЕМЕЙСТВО

ВЕРЬТЕ МНЕ, ЛЮДИ!

РОМЕО, МОЙ СОСЕД

ОСТОРОЖНО, БАБУШКА!

Художники Е. ГОРОХОВ, А. ГРУНИН, А. ЕЛИСЕЕВ, В. КАНЕВСКИЙ, М.СКОБЕЛЕВ, С. СПАССКИЙ, А. ЦВЕТКОВ.

Что нового в сатирическом цехе

КИЕВ. Библиотеиа «Перца» пополиилась сатирическими стихами и басиями **П. Слипчуна «Разрисованый столб».**

«Радяисьиий письмеииии» издал сатирические и юмористические стихи **М. Белециого «Кабы свинье рога...».** Осиовные разделы сборника — «Лежачего бьют», «Взрослым про детей» и «Волчий юбилей».

В том же издательстве вышел сбориии **П. Глазового «Коротио и ясно».** Тут представлеиы иаряду с сатирическими стихами шуточиые поэмы «Тарас Бульба в Киеве» и «Кумиада».

МИНСК. Очередиая иовиика Библиотеки «Вожыка» — юмористичесиие стихи **Р. Бородулииа «Дойный иоиь».**

Белорусский академический театр имеии Яики Купалы поотавил иомедию грузиисиих драматургов **Н. Думбадзе н Г. Лординпанидзе «Я, бабушиа, Илнио н Илларнон».**

ТБИЛИСИ. Юмористические стихи **К. Исакадзе «Удачливая супруга»** появились в Библиотеие «Ниаиги».

БАКУ. Издательство «Азериешр» выпустило сбориии аитирелигиозиых стихов, рассиазов и фельетоиов **«Тени прошлого».**
Театр руссиой драмы показал комедию польсиого драматурга **Т. Кажушнниа «Сверчои, или Бюро добрых услуг».**

ОДЕССА. Киига юмористичесиих рассказов **В. Подольсиого «Бывает ниогда и таи...»** вышла в издательстве «Маяи».

СТАВРОПОЛЬ. Краевое иниго-издательство предложило читателям сбориии стихов и басеи **С. Заляидниа** иа иогайском языие.

ДОНЕЦК. Областиым ииигоиздательством выпущеи сбориии стихотвореиий **Г. Кривды «Лириа, юмор, сатира».**

ТАШКЕНТ. Вышел сбориии сатирических рассказов **Мнрмухсииа «Человеи-горлица»** (издательство «Ташиент»).
Издательство «Еж гвардия» выпустило киижиу басеи и эпиграмм **М. Худайиулова «Перепелиа на гастролях».**

САМАРКАНД. Театр оперы и балета поставил музыкальиую иомедию **С. Юдаиова «Проделин Майсары»** (по пьесе Хамзы Хаким-Заде Ниязи).

* * *

ЛОНДОН. В театре «Тауэр» состоялась премьера комедии **А. Софроиова «Миллнои за улыбиу».**

Владнмир КОНСТАНТИНОВ   Борис РАЦЕР

Спасибо сценаристам!

В полночный час к жеие
звконной
Иван Кузьмич спешил домой.
Он задержался у зиакомой
(Не уточняем, у какой).
Предвндя виовь скандал н ругань,
Он думал, что сказать жеие:
«Скажу, случайио встретил
друга,
С которым был на целине!
Но ведь она начнет кричвть,—
Мол, сколько можно их
встречать!
Сказать, что сторожу больному
По поручеиию месткома
Носил в больинцу ананас?
Нет, эта басня ей знакома:
Я этот самый аиаиас
Носнл уже пятиадцать раз!
Сказать (вот, кажется, идея!),
Что пел я в хоре заводском?
Но хор кончает ровио в девять,
А где ты, спросит, пел потом?!

А может, все сказать ей прямо,
Мол, внноват, мол, стыдно мие?..»
Вдруг фнльма иового рекламу
Супруг увндел иа стене.
Фильм иазывался «Футболнсты».
В момент все было решено!
Взбежал по лестнице он быстро.
— Ну, где ты был?
— Я был в книо.
Про футболистов шла картниа,
А я футбол люблю давио!
— Представь, н я сегодня
с сыиом
Смотрела это же кино!
Ну, расскажи, какой сюжет там?
Бедиягу сразу — в жар и
в дрожь...
Всего он ждал, ио как же это?!

«Пропал! Пропал я ин за грош!»
Он воскреснл в уме мгновеиио
Сюжеты многнх киволент,
Все киiофнльмы про
спортсменов,
Что вндел ои со школьных лет.
Сюжеты были так похожи,
Что мысль мелькиула у него:
А вдруг он выкрутится все же,
Пересказать картииу сможет,
О ией ие зиая иичего?
— Там ситуация такая,—
Сказал он, покрасиев слегка.—
Одиа команда заводская
Взрастила чудо-игрока.
Ну, ои, естественно, зарвался,
От коллектнва оторввлся,
Стал пнть н треиеру грубнть,

Нн с кем уже не пасовался,
А сам старался гол забить.
Но тут любовь пришлв
к спортсмену,
И под влняньем мнлых глвз
Он перестроился мгновенно,
Играл в фннале вдохновенно,
Давал партнерам точный пвс.
Ну, в в конце — фанфары, трубы,
Спортнвной песенкн мотив.
Одиой рукой он обнял кубок,
Другой — жену и коллектив...
— Ты вндел фнльм! — жена
сказала.—
Все совпадает. Стыдно, но
Мие показалось поначалу,
Что ты прншел не нз кнно!
Супруг восклнкиул:— Да,
стыднсь ты!..

А сердце пело у него:
— Спаснбо кносценвристам
За их талаит и мастерство!

КНИЖКИ-НИКУДЫШКИ

«Старая цена — 57 коп.,
новая цена — 10 коп.»

Из книжной рекламы.

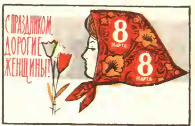
Залежались книжки серые,
Так сказать, мышиной серии.
Ну, кому они нужны
И со скидкою богатою —
За четвертую, и пятую,
И осьмую часть цены!
Дорогие покупатели
Строгий свой свершают суд.
Уцененные издатели
Горько вздохи издают!

Владимир ИВАНОВ

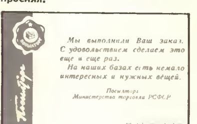
●

С удовольствием не сделаем!

Накануне 8 марта ростовчанин Я. Прядко получил письмо, которого ждал с нетерпением. Из конверта выпала симпатичная открыточка.

Я. Прядко сперва смотрел на открыточку с удивлением, но, прочитав изложенное на обороте ее, просиял.

Мы выполнили Ваш заказ. С удовольствием сделаем это еще и еще раз.

На наших базах есть немало интересных и нужных вещей.

Посылторг
Министерства торговли РСФСР

— Ах, какие приятные люди на Тульской базе Посылторга! — радостно воскликнул он.— И заказ мой выполнили и поздравить не забыли. Правда, я не женщина, но в конце концов муж и жена — одна сатана. Получай, дорогая!

Он передал открытку жене.

— А где же уведомление о высылке аккумулятора, который я у них заказал? Ага, вот и оно!

Я. Прядко вынул из конверта вторую бумажку и пошатнулся.

Уведомление гласило:

РСФСР Министерство торговли Республиканская посылочная контора «Посылторг» Тульская база 2 3 65 №	Аккумуляторов 3 МТР-10 в настоящее время нет. Исполнитель Левина

Н. М.

ОДИННАДЦАТЬ НЕ ИЗ МЕСТНЫХ

Команда города сформирована...

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА
по теме Н. Федорко (Ленинград), присланной на конкурс.

Узелки на память

К врачу симулянт не пошел: боялся, что ему непоздоровится.

Мечту о механизации работ грузчики вынашивали на спине.

Из игрушек в детском саду был переходящий кубик.

Посетители столовой толкли воду в супе.

В кампанию по экономии электричества включился, но помимо счетчика.

«Без входящих — не входить!»

Кляузник ссылался на факты, о которых знал по ослышке.

Освоили производство ничего не говорящих кукол.

Числился в коллегии адвокатов, а на деле был левым защитником.

Водка в закусочной продавалась распивочно, а выносить разрешалось только посетителей.

Автор вдохнул в своего героя жизнь, но, к сожалению, загробную.

Когда симфонии модерниста были отвергнуты, он начал писать демарши.

Шофер такси так долго возил пассажира, что тот накатал жалобу.

Т. КОНСТАНТИНОВ

Г. ЖАМИДИН

Послушный сын

— Сынок, не слушайся
отца! —
Твердит сыночку мать.—
Мое лишь слово до конца
Ты должен почитать.
— Какая польза молодцу
От женских слов, джигит?
Доверься, дорогой,
отцу! —
Отец сынку твердит.
Сынок послушался
как мог
Родителей своих:
Теперь не слушает сынок
Ни одного из них.

Перевод с лезгинского
Андрея ВНУКОВА.

— Надоело платить штрафы—надел Джеку намордник!

Рисунок И. СЫЧЕВА

◀ — Ну как, идет мне эта шляпка?

Рисунок М. БИТНОГО

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ (ответственный секретарь), Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), А. Н. РЕМЕЗОВ, И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный пр., 14. Тел. Д 0-10-86. Издательство «Правда».

А. 02278. Изд. № 352. Подписано к печати 17/IV 1965 г. Формат бум. 70×108¹/₈. Тираж 2 900 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л. Заказ 1079.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

НАПАЛМОВАЯ ВЕТВЬ АМЕРИКАНСКОГО «МИРОТВОРЦА»

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448.